

(«Expositio in Elementationem Theologicam Procli»)** доминиканца Бертольда из Мосбурга — преподавателя в Кёльне — наконец увидел свет.

То, что у Экхарта до конца оставалось ведущей тенденцией, обнаруживается начиная с эпохи «Вопросов» («Quaestiones») о бытии; это время можно примерно датировать 1313—1314 гг. В первом из этих «Вопросов» он спрашивает себя, идентичны ли

значения слов «Бог», «быть» и «знать», и дает ответ, непосредственно направленный против Фомы Аквинского: Бог знает не потому что Он есть, но Он есть, потому что знает («est ipsum intelligere fundamentum ipsius esse»***). Нельзя более четко упорядочить бытие, и Экхарт делает это в полном соответствии с неоплатонизмом, выраженным в трактате «О причинах» («De causis»), из которого он заимствует знаменитую формулу: «Prima rerum creatarum est esse»****. Вместо того чтобы смягчить эту формулу, как сделал в своем «Комментарии» Фома Аквинский, он принимает ее во всей ее мощной силе: «Unde statim cum venimus ad esse, venimus ad creaturam»*****. Если приступить к порядку творения, достигая порядка бытия, то оказываешься над порядком бытия, так как стоишь перед Богом. Поскольку бытие соответствует тварям, оно не пребывает в Боге только как своя причина: «pop est ibi formaliter»*****. Экхарт хорошо знает, что здесь он вступает в противоречие с Книгой Исхода (3:14): «Я есмь Тот, Кто я есть», но поскольку негативная теология Маймонида здесь неожиданно усиливает онтологию Прокла (И. Кох), то, оказывается, тут есть, что толковать. Если бы Бог, замечает Экхарт, хотел сказать, что Он есть бытие, то ограничился бы словами «Я есмь»; но Он говорит нечто иное. Если ночью встречаешь кого-то, кто хочет спрятаться и не желает себя называть, то на вопрос: «Кто ты?» — он отвечает: «Я тот, кто я есть». Это то же самое, что сделал Бог в ответе Моисею: «Deo ergo non competit esse»*****.

Начиная с этих вопросов, Экхарт рассматривает Бога как Того, кто обладает привилегией быть чистым от всякого бытия («puritas essendi») и кто — вследствие этой чистоты даже по отношению к бытию — может быть его причиной. Аристотель говорил, что зрение должно быть бесцветным, чтобы видеть любой цвет; аналогично следует отказать Богу в любом бытии, чтобы Он был причиной всякого бытия. Следовательно, Бог есть нечто высшее по отношению к бытию: «est

526 Глава IX. Философия в XIV веке

aliquid altius ente». В начале Он обладает всем в своей чистоте, полноте, исконном совершенстве и является причиной всего; именно это Он хотел сказать в словах: «Я есмь Тот, кто Я есть»*. Это нечто, предшествующее бытию, обнаруживается с помощью понимания (intelligere). В начале было Слово (Ин. 1:1), следовательно, «est ipsum intelligere fundamentum ipsius esse». Ведь Слово сказало о самом Себе: «Я есмь... истина» (Ин. 14:6), то есть Мудрость. Что бы Экхарт ни утверждал впоследствии относительно бытия, он никогда не колебался в этом пункте: поскольку Бог есть Мудрость, Он чист от всего остального, включая само бытие.

Об этом нельзя забывать, рассматривая более поздние произведения Экхарта, где он часто повторяет, что Бог есть бытие: («esse est Deus») и что Он является таковым в своей чистоте и полноте: («esse purum et plenum»). Это не означает, что Экхарт действительно изменил свои взгляды — просто он по-другому изъясняется. Начиная от эпохи «Вопросов», мы видим, что Экхарт отождествляет Бога с актом понимания. В тройке «быть», «жить» и «понимать» на первый план он выдвигает последнее; и не так просто, как это делал Августин в трактате «О свободной воле» («De libero arbitrio; II, 3, 7), — потому что наличие этого третьего обуславливает наличие двух других, а не наоборот